

Иван Гончаров

**И. А. Гончаров в
воспоминаниях
современников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Г65

Г65 **Гончаров И.**
И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Иван Гончаров – М.: Книга по Требованию, 2012. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-2681-9

Имя Гончарова, одного из крупнейших мастеров русского реалистического романа, стоит в одном ряду с Тургеневым, Толстым, Достоевским. Навсегда останутся выдающимися завоеваниями русского реализма XIX века его романы «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», а образ Обломова — классическим типом мировой литературы. Значительна также его книга путевых очерков — «Фрегат „Паллада“», до сих пор не утратившая своего историко-литературного и познавательного значения.

ISBN 978-5-4241-2681-9

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Гончаров Иван Александрович
И А Гончаров в воспоминаниях
современников

И. А. Гончаров в воспоминаниях современников

Содержание:

И. И. Панаев. Воспоминание о Белинском. (Отрывок)

А. В. Старчевский. Один из забытых журналистов. (Отрывок)

А. Я. Панаева. Из "Воспоминаний"

М. М. Стасюлевич. Иван Александрович Гончаров

П. Д. Бородыкин. Творец "Обломова"

А. М. Скабичевский. Из "Литературных воспоминаний"

Е. П. Левенштейн. Воспоминания об И. А. Гончарове

А. Ф. Кони. Иван Александрович Гончаров (Из "Воспоминаний о писателях")

М. В. Кирмалов. Воспоминания об И. А. Гончарове

К. Т. Современница о Гончарове (Е. П. Майкова)

А. П. Плетнев. Три встречи с Гончаровым

И. И. Панаев

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕЛИНСКОМ

(Отрывки)

Расскажу об одном вечере (это уже было года два или три после смерти Белинского) у А. А. Комарова, на котором присутствовал Гоголь. Гоголь изъявил желание А. А. Комарову приехать к нему и просил его пригласить к себе несколько известных новых литераторов, с которыми он не был знаком. Александр Александрович пригласил между прочими Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Я также был в числе приглашенных, хотя был давно уже знаком с Гоголем. Я познакомился с ним летом 1839 года в Москве, в доме Сергея Тимофеевича Аксакова. В день моего знакомства с ним он обедал у Аксаковых и в первый раз читал первую главу своих "Мертвых душ". Мы собрались к А. А. Комарову часу в девятом вечера. Радушный хозяин подготовил роскошный ужин для знаменитого гостя и ожидал его с величайшим нетерпением. Он благодговел перед его талантом. Мы все также разделяли его нетерпение. В ожидании Гоголя не пили чай до десяти часов, но Гоголь не показывался, и мы сели к чайному столу без него.

Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым, отправился в другую комнату и разлегся на диване. Он говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях, хотя было очень заметно, что не читал их. Потом он заговорил о себе и всем нам дал почувствовать, что его знаменитые "Письма" писаны им были в болезненном состоянии, что их не следовало издавать, что он очень сожалеет, что они изданы. Он как будто оправдывался перед нами.

От ужина, к величайшему огорчению хозяина дома, он также отказался. Вина не хотел пить никакого, хотя тут были всевозможные вина.

- Чем же вас угощать, Николай Васильевич? - сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

- Ничем, - отвечал Гоголь, потирая свою бородку. - Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

- Сейчас подадут малагу, - сказал хозяин дома, - погодите немного.

- Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы.

Не знаю, как другим, - мне стало как-то легче дышать после его отъезда.

Но обратимся к Белинскому...

К нему часто сходились по вечерам его приятели, и он всегда встречал их радушно и с шутками, если был в хорошем расположении духа, то есть свободен от работы и не страдал своими обычными припадками. В таких случаях он обыкновенно зажигал несколько свечей в своем кабинете. Свет и тепло поддерживали всегда еще хорошее расположение его духа.

Его небольшая квартира у Аничкина моста в доме Лопатина, в которой он прожил, кажется, с 1842 по 1845 год, отличалась, сравнительно с другими его квартирами, веселостью и уютностью. Эта квартира и ему нравилась более прежних. С нею сопряжено много литературных воспоминаний. Здесь Гончаров несколько вечеров сряду читал Белинскому свою "Обыкновенную историю". Белинский был в восторге от нового таланта, выступавшего так блистательно, и все подсмеивался по этому поводу над нашим добрым приятелем М. А. Языковым. Надобно сказать, что Гончаров, зная близкие отношения Языкова с Белинским, передал рукопись "Обыкновенной истории" Языкову для передачи Белинскому, с тем, однако, чтобы Языков прочел ее предварительно и решил, стоит ли передавать ее. Языков с год держал ее у себя, развернул ее однажды (по его собственному признанию), прочел несколько страничек, которые ему почему-то не понравились, и забыл о ней. Потом он сказал о ней Некрасову, прибавив: "Кажется, плохо вато, не стоит печатать". Но Некрасов взял эту рукопись у Языкова, прочел из нее несколько страниц и, тотчас заметив, что это произведение, выходящее из ряда обыкновенных, передал ее Белинскому, который уже просил автора, чтобы он прочел сам.

Белинский все с более и более возраставшим участием и любопытством слушал чтение Гончарова и по временам привскакивал на своем стуле, с сверкающими глазами, в тех местах, которые ему особенно нравились. В минуты роздыхов он всякий раз обращался, смеясь, к Языкову и говорил:

- Ну что, Языков, ведь плохое произведение - не стоит его печатать?..

А. В. Старчевский

ОДИН ИЗ ЗАБЫТЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОГО ЛИТЕРАТОРА)

(Отрывок)

У стариков Майковых, родителей Аполлона Николаевича, было довольно знакомых молодых людей, которые собирались к ним по воскресеньям к обеду или вечером; бывали и дамы. Все это был народ comme il faut, и это была для Дудышкина первая школа, в которой он брал уроки общежития, и он действи-

тельно стал цивилизоваться и скоро усваивал себе все хорошее.

Следует сказать здесь без преувеличения, что Дудышкин всем обязан семейству Майковых, добрых и образованных людей. Тут он познакомился с Владимиром Андреевичем Солоницыным, завсегдатаем Майковых, бывшим правителем канцелярии департамента внешней торговли и в то же время помощником О. И. Сенковского по редакции "Библиотеки для чтения", с И. А. Гончаровым, служившим у Солоницына переводчиком, с М. П. Заблоцким-Десятовским, П. М. Цейдлером и другими лицами, родственными Майковым, которые впоследствии имели влияние на всю его жизнь.

Это было во всех отношениях прекрасное и образцовое семейство вроде тех, о каких мечтали во французских и английских повестях, где описывались семейства Ван-Дика, Чимарозы и других. Семейство Майковых состояло из шести членов, но, начиная с обеда до поздней ночи, там почти ежедневно собиралось порядочное общество. Глава семейства, сын известного в начале этого столетия директора императорских театров Аполлона Александровича Майкова, Николай Аполлонович Майков, отставной гусарский офицер, красивый брюнет, с открытым, добродушным характером, был женат на дочери московского золотопромышленника Гусятникова, Евгении Петровне, стройной, красивой брюнетке, с продолговатым аристократическим лицом, на которую был чрезвычайно похож второй сын Валериан. Н. А. Майков после женитьбы вышел в отставку и жил в Москве. Когда же пришло время воспитывать старших сыновей, он переселился в Петербург. (...) Тогда Николаю Аполлоновичу было уже под пятьдесят, супруге его Евгении Петровне за сорок. Были они люди в высшей степени радушные, симпатичные и гостеприимные. Старший сын, Аполлон Николаевич, еще очень молодой человек, похожий на отца, только в миниатюрном виде, рано обнаружил поэтический талант, который доставил ему известность впоследствии. Второй сын, Валериан, был наделен большими публицистическими способностями, но тогдашнее время обрезало ему крылья, а затем случайная смерть погубила весьма даровитого и способного юношу. Третий сын, так называемый старишок по своему тихому и спокойному нраву, Владимир Николаевич, менее даровитый, был тогда еще гимназистом. Четвертый - Леонид Николаевич - был тогда ребенком. (...)

Прибавьте ко всему этому милое, свободное, но всегда приличное обращение, откровенность, юмор, радущие хозяев и умение их поддерживать разговор, переплетая его оживленными эпизодами и отступлениями, и тогда вы получите довольно приблизительное понятие о том, какое значение имел в свое время дом Майковых для молодых людей, которым почему-либо приходилось сблизиться с его младшими членами. В этом кругу никогда не происходило ни пошлых разговоров, не сообщалось двусмысленных анекдотов, никто не осуждался, никто не осмеивался; а между тем всем было весело, привольно, занятно, и постоянные посетители неохотно брались за шляпы в три часа ночи, чтобы отправиться вовсюсяки. (...)

...В семействе Майковых, по вечерам, в воскресенье и другие праздничные дни, когда собирались много молодежи, часто происходили чтения чего-нибудь выдающегося в современной журналистике, с критическими и другими замечаниями, идущими к делу. Чтения эти введены были покойным Владимиром Андреевичем Солоницыным, о котором уже была речь выше, но со смертью его

чтения эти почти прекратились, как вдруг Иван Александрович Гончаров, написав свою "Обыкновенную историю", заявил в один вечер, что, прежде чем отдать ее в печать, желал бы прочесть свое первое произведение у Майковых в несколько вечеров и выслушать замечания именно молодого, чуткого, откровенного и ничем не стесняющегося поколения; тем более что все слушатели были его ближайшие друзья и доброжелатели, и если бы в чем-нибудь замечания их оказались неверны, то их тут же и опровергнут.

В тот же день я получил от Владимира Аполлоновича Солоницына записку, в которой он приглашал меня прийти в шесть часов вечера слушать сочинение Гончарова, о существовании которого до тех пор никому не было известно. Вот содержание этой записки:

"Евгения Петровна (то есть Майкова), Валерьян и я купно советуем тебе прийти слушать повесть Ивана Александровича (то есть Гончарова), хотя к шести часам, иначе Иван Александрович рассердится, тем более что он читает повесть для тебя и Юнии Дмитриевны, которые не слыхали ее, а не для М-х (то есть Майковых), которые уже слышали ее дважды. Притом он, пожалуй, и не отдаст ее в твой журнал (тогда я имел в виду издавать "Русский вестник", который передавал мне С. Н. Глинка). Если ты не придешь, это его весьма обидит; ты знаешь, как он скрупулезен. Итак, убедительно советуем прийти к шести часам. Ответь хоть еловом.

В. Солоницын".

На другой день я явился в семь часов вечера к Майковым и застал там всех наших знакомых. Спустя четверть часа Иван Александрович начал читать свою повесть. Все мы слушали ее со вниманием. Язык у него хорош; она написана очень легко, и до чаю прочитано им было порядочно. Когда разнесли чай, начались замечания, но они были незначительны и несущественны. Вообще повесть произвела хорошее впечатление. Чтение продолжалось несколько вечеров сряду, и по мере ближайшего знакомства с повестью развивался и интерес; все яснее и яснее выходили лица. Конечно, замысел ее незатейлив, ничего сложного и запутанного не было; но по мере ближайшего знакомства с действующими лицами все чаще и чаще становились замечания; но это были замечания слишком молодых и неопытных еще людей, дамы тоже делали в эти замечания и свои вставки, также не имевшие никакого критического значения; старики вовсе не высказывались.

Жаль, что тогда среди нас не было ни одного человека с опытом и авторитетом, который знал бы, на что следовало обратить внимание, что изменить, сократить или развить. Несмотря, однако, на самые легкие замечания молодежи, Иван Александрович обратил внимание на некоторые замечания самого младшего из нас, Валериана Майкова, и решил сделать изменения в повести "Обыкновенная история" сообразно с указаниями молодого критика. Конечно, Иван Александрович во время чтения своей повести при многочисленном обществе сам лучше других замечал, что надобно изменить и исправить, и потому постоянно делал свои отметки на рукописи, а иногда и просто перечеркивал карандашом несколько строк. Но все же переделка эта потребовала немного времени, потому что спустя несколько дней опять назначено было вторично прослушать "Обыкновенную историю" в исправленном виде, я снова получил приглашение, но не мог им воспользоваться, потому что редактор "Журнала министерства народно-

го просвещения", Константин Степанович Сербинович, прислал мне какую-то спешную работу; а так как он был человек в высшей степени аккуратный и всегда означал, к какому дню статья должна быть готова и доставлена ему на дом лично, поэтому я не был на вторичном чтении повести Гончарова.

Героем для повести Гончарова послужил его покойный начальник Владимир Андреевич Солоницын и Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский, брат которого, Михаил Парфенович, бывший с нами в университете и знакомый Ивана Александровича, близко познакомил автора с этой личностью. Из двух героев, положительных и черствых, притом не последних эгоистов, мечтавших только о том, как бы выйти в люди, составить капиталец и сделать хорошую партию, Иван Александрович выкроил своего главного героя.

Племянничек с желтыми цветами составлен из Солика (племянника В. А. Солоницына - Владимира Аполлоновича Солоницына) и Михаила Парфеновича Заблоцкого-Десятовского; а прощание с матерью, приготовление к отъезду и первое впечатление, произведенное на племянничка Петербургом, - это описание своего отъезда из родного гнезда и приезд в Петербург.

Антон Иванович - это тоже лицо, мне хорошо знакомое; для этого господина материалом послужил, во-первых, Владимир Андреевич Солоницын, а во-вторых, действительный Антон Иванович, знакомый Дудышкина, целых сорок лет заведовавший делами Новинских, торговцев мехами, и к которому во всех делах обращался за советом Степан Семенович Дудышкин, не придавая, однако, этим советам большого значения.

"Исторический вестник", 1886, Л3

А. Я. Панаева

ИЗ "ВОСПОМИНАНИЙ"

С первого же года "Современнику" повезло. В февральской книжке 1847 года 1} был напечатан роман Гончарова "Обыкновенная история", имевший огромный успех. Боже мой! Как заволновались любознательные литераторы! Они старались разведать настоящую и прошлую жизнь нового писателя, к какому сословию он принадлежит по рождению, в какой среде вращается и т. п. Многие были недовольны сдержанностью характера Гончарова и приписывали это его апатичности. Тургенев объявил, что он со всех сторон "штудировал" Гончарова и пришел к заключению,, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами, что в его натуре нет никаких порывов, что он совершенно доволен своим мизерным миром и его не интересуют никакие общественные вопросы, "он даже как-то боится разговаривать о них, чтоб не потерять благонамеренность чиновника. Такой человек далеко не пойдет! Посмотрите, что он застрянет на первом своем произведении".

Странно, что предсказания Тургенева о литературной будущности его современников почти никогда не оправдывались...

Я забыла упомянуть, что в 1847 году, не помню, в каком месяце, в Петербурге проездом был Гоголь 2}. Он изъявил Панаеву желание приехать к нему вечером посмотреть на молодых сотрудников "Современника", причем, конечно, сделал свою обычную оговорку, чтобы ни посторонних лиц, ни дам не было. За час до прибытия Гоголя в кабинете Панаева собрались Гончаров, Григорович, Кронеберг и еще кто-то, а из старых московских знакомых Гоголя были Боткин и Белинский. Гоголь просидел недолго; когда он уехал, я вошла в кабинет и заметила, что у

всех на лицах было недоумевающее выражение и все молчали, один Белинский, расхаживая по комнате, находился в возбужденном состоянии и говорил:

- Не хотел выслушать правды - убежал!.. Еще лучше. Я в письме изложу ему все!.. Нет, с Гоголем что-то творится... И что за тон он принял на себя, точно директор департамента, которому представляют его подчиненных чиновников... Зачем приезжал?

На другой же день вечером Белинский пришел к Панаеву и прочитал свое известное теперь письмо к Гоголю 3}. При чтении письма находилось несколько человек приятелей, и копия с него тут же была списана. Письмо было передано частным образом Гоголю...

Когда было напечатано первое произведение Дружинина в "Современнике" 4}, то Тургенев говорил Некрасову и Панаеву:

- Положительно везет "Современнику"! Вот это талант, не чета вашему "литературному прыщу" 5} и вознесенному до небес вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по-вашему, светили - слепорожденные кроты, выползшие из-под земли: что они могут создать? А у Дружинина знание общества; обрисовка Полиньки Сакс художественная, видишь гётеvские тонкие штрихи, а никто в мире, кроме Гёте, не обладал таким искусством создавать грациозные типы женщин. Я прозакладываю голову, что Дружинин быстро займет место передового писателя в современной литературе.. И как я порадовался, когда он явился ко мне вчера с визитом-джентльмен!.. Надо, к сожалению, сознаться, что от новых литераторов пахнет мещанской средой...

Как вообще некоторые высшие сановники начали в это время смотреть на литературу, может служить доказательством следующее приглашение, полученное Панаевым, через И. А. Гончарова, от попечителя Петербургского учебного округа, князя Щербатова:

"Князь Щербатов поручил мне просить вас, любезнейший Иван Иванович, пожаловать к нему в пятницу вечером и жаловать в прочие пятницы. Там, кажется, будут и другие редакторы и литераторы, с которыми со всеми он хочет познакомиться. Только он просит извинить его, что за множеством дел и просителей он не может делать визитов. Вечер же-самое удобное время, говорит он, даже когда понадобится объясняться по журнальным делам. Он спрашивал меня, кто теперь есть здесь из наших литераторов (разумеется, порядочных). Я назвал П. В. Анненкова, Григоровича, Толстого; он усердно приглашает и их. О Василии Петровиче Боткине я не упомянул, потому что не знал о приезде его. Помогите склонить их поехать к князю, там они найдут немало наших. А как давно с вами не видались; не увидимся ли во вторник, а не то так в субботу у Языкова?

Ваш Гончаров

Князь считает вас уже за знакомого и ожидает к себе без церемоний".

А. Я. Панаева: Примечания

(А. Д. Алексеев, О. А. Демиховская)

Панаева Авдотья Яковлевна, по второму мужу Головачева (1820-1893) писательница, сотрудничавшая в "Современнике", автор очерков, повестей и романов, посвященных главным образом бесправному положению русской женщины. В соавторстве с Н. А. Некрасовым ею написаны романы "Три страны света" (1848) и "Мертвое озеро" (1851). А. Я. Панаева - автор "Воспоминаний", над которыми она работала в 80-х годах. Несмотря на имеющиеся в них ошибки и неточности,

они, по словам А. Н. Пыпина, отражают "много справедливого при некоторых личных пристрастиях".

Впервые - "Исторический вестник", 1889, Л 4, стр. 49, 54; Л 7, стр.

47. Печатается по изданию: А. Я. Панаева (Головачева), Воспоминания, Гослитиздат, М. 1956, стр. 168, 174, 183-184, 267.

1} Роман "Обыкновенная история" печатался в ЛЛ 3 и 4 (март, апрель) "Современника" за 1847 год.

2} В 1847 году Гоголь в Петербурге не был.

3} Знаменитое письмо В. Г. Белинского к Гоголю было написано в июле 1847 года в Зальцбурне. Не исключена возможность, что Белинский мог читать письмо у Панаева в 1847 году по возвращении из Зальцбурна.

4} Повесть "Полинька Сакс" ("Современник", 1847, Л 12).

5} Имеется в виду Ф. М. Достоевский, о котором в эпиграмме, сочиненной Некрасовым и Тургеневым, имелись строки:

Рыцарь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыш,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыш.

М. М. Стасюлевич

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ

И. А. Гончаров после кратковременной болезни - около трех недель скончался в двенадцатом часу дня 15 сентября. Самая кончина его наступила так тихо, что в первое время окружающие приняли смерть за сон, последовавший немедленно по удалении врача, как это уже случалось не раз и прежде.

Мы навестили Ивана Александровича на его даче в Петергофе в последний раз 25 августа и нашли его здоровье в таком удовлетворительном положении, в каком давно уже не случалось нам его видеть. О значительном восстановлении его сил за лето можно было судить уже по тому, что он не только рассказал нам о том, сколько он "наработал" летом, но даже мог взять на себя труд прочесть один из трех очерков, проработанных им в течение летних месяцев [1]. Если он тут же передал нам свои желания относительно этих рукописей- "на случай смерти" - и собственноручно повторил тоже на обертке рукописей, то мы не могли видеть в этом какого-нибудь предчувствия, так как он в последние годы не раз делал подобную оговорку. Конечно, в его возрасте малейшая неосторожность могла повлечь за собою, совершенно неожиданно для окружающих, самые тяжкие последствия. Так это и случилось. Два дня спустя, 27 августа, он заболел так сильно острою, но вовсе не опасною во всяком другом возрасте болезнью, что можно было ожидать немедленной катастрофы; острая болезнь, однако, прошла и вместе с тем унесла с собою безвозвратно его последние силы. Это-то обстоятельство и было настоящей причиной его смерти, - и тем не менее организм покойного выдерживал борьбу со смертью

в течение двадцати дней. 6 сентября оказалось даже возможным благодаря небольшому улучшению перевезти больного с дачи на его городскую квартиру, где медицинская помощь могла быть более доступна. Еще за три дня до смерти, при консультации врачей, на которую был приглашен д-р Л. В. Попов, обнаружилось снова некоторое улучшение сравнительно с предыдущими днями, и только слабая деятельность сердца при затрудненном дыхании говорила о легкой воз-

можности быстрого конца, несмотря на улучшение.

В те немногие дни, которые следуют за смертью, общество всегда пользуется возможностью непосредственно выражать свои отношения к заслугам такого таланта, каким владел Иван Александрович Гончаров. Несмотря на то, что преклонный возраст покойного отдалил день его кончины от времени появления в свет последнего его крупного литературного произведения более чем на двадцать лет, публика в течение четырех дней и в самый день погребения, 19 сентября, в Александро-Невской лавре, собиралась толпами на Моховой в квартире усопшего - более похожей на келью отшельника, - где он прожил около тридцати лет, и выражала самую живую симпатию к его памяти. Целые десятки лет, прошедшие со времени появления лучших произведений И А Гончарова и составивших ему прочную славу и почетное имя в нашей новейшей литературе, очевидно, не могли ослабить в обществе того впечатления, какое они производили в свое время, лет тридцать - сорок тому назад. Действительно, последним произведением его литературного творчества следует, собственно, считать роман "Обры", появившийся в нашем журнале в 1869 году, когда автору его было не более пятидесяти семи лет. Нельзя, конечно, было тогда ожидать от него скоро нового произведения, так как он, по-видимому, буквально следовал совету Горация держать девять лет под изголовьем свой труд, прежде нежели выступить с ним в свет: десять лет прошло тогда со времени появления "Обломова" (1868 год) [2], которому предшествовал "Фрегат "Паллада"" более чем за десять лет (1857 год), и только за десять лет перед тем появилась "Обыкновенная история" (1847 год). Но после "Обры" прошло тщетно и десять лет и двадцать лет, и этот роман так и остался без преемника. Знавшие покойного близко могут при этом только свидетельствовать, что такой перерыв, или, вернее сказать, поворот, в литературной деятельности автора "Обломова" отнюдь не был результатом хотя бы малейшего падения в нем творческих сил, напротив-лица, имевшие с ним частые свидания и встречи, очень хорошо помнят, что перед ними по-прежнему оставался тот же умный, высоко и разносторонне образованный, подчас веселый и в высшей степени наблюдательный собеседник, которому, по-видимому, ничего не оставалось, как только взять в руку перо, чтобы создать что-нибудь новое, вполне достойное автора "Обломова". Объяснить такое, по-видимому, ненормальное явление может быть задачею только будущего биографа, который получит возможность войти в изучение всех подробностей внутренней жизни покойного и его литературных отношений.

Обыкновенно говорят, что в собственной его природе было много "обломовщины", что потому ему так и удалось "Обломов", но это могло только показаться тем, кто не знал его ежедневной жизни или увлекался тем, что действительно Гончаров охотно поддерживал в других мысль о своем личном сходстве с своим же собственным детищем. Между тем он был весьма деятельным и трудолюбивым человеком, всего менее похожим на Обломова. Его постоянно занимала мысль о создании чего-нибудь нового; это было видно из его интимных бесед, причем он всегда требовал безусловной тайны. Но незадолго перед смертью, в 1888 году, вероятно по неосторожности, он проговорился, так сказать, публично о том, что всегда тщательно хранил в тайне, а именно - в одном из писем к нам. Это письмо было получено нами за границей, и мы счастливым образом имеем теперь право сослаться на него без "нарушения воли" автора, так как письмо было уже напе-